

РОЛЬ ГРАНИЦЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ И КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.87.1397

*Дворникова Евгения Игнатьевна**Профессор кафедры русской и мировой литературы и технологий обучения,
педагогический факультет, г. Ставрополь
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»,
г. Ставрополь, ул. Ленина, д. 417 «А»**Фокин Александр Алексеевич**Профессор кафедры русской и мировой литературы и технологий обучения,
педагогический факультет
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»,
г. Ставрополь, ул. Ленина, д. 417 «А»***АННОТАЦИЯ**

В статье рассматриваются исследования ученых, которые считают, что формирование личности как субъекта данной культуры развивается в ходе обнаружения культурных границ и испытания их на прочность.

ABSTRACT

The article deals with the research of scientists who believe that the formation of a personality as a subject of a given culture develops in the course of discovering cultural boundaries and testing them for strength.

Ключевые слова: личность, культура, граница, идентификация,

Keywords: personality, culture, border, identification.

Идеи М.М. Бахтина относительно важной культурообразующей функции границы были развиты отечественным структурализмом, прежде всего кругом Ю.М. Лотмана [6], применительно к изучению художественной культуры. В педагогике и психологии данная проблематика активно изучалась такими учеными, как М.В. Бороденко, М.А. Ишкова, В.А. Петровский, Б.Д. Эльконин и др. Целостное определение понятий «культура» и «личность» предполагает, что процесс формирования, развития связан с усилием, направленным на преодоление границ и ограничений различного характера, которые налагаются системой субъект – объектных отношений, языком, обществом и т.д. В работах М.В. Бороденко развивается идея смеховой культуры М.М. Бахтина [1], согласно которой посредством смеха происходит «означивание» границы нового [1]. М.А. Ишкова показывает то, как влияет феномен границы на различные типы активности ребенка в процессе его развития [4]. В.А. Петровский раскрывает побудительную силу границы, мотивирующую личность на активные действия [8]. Б.Д. Эльконин раскрывает значение границы в процессе знакового опосредствования [12].

Особую актуальность проблема границ приобретает в свете феномена идентификации личности и культуры. Идентификация, или отождествление своего «Я», своей культуры задает пределы индивида рамками значений языка и системой социальных ролей. Идентификация дает возможность индивиду определить свое место в общественной структуре, среди других индивидов, найти место размещения своего «Я» в определенном пространстве культуры, дифференцируя «свое» и «чужое». Как показывает В.А. Петровский, именно ощущение несовпадения с фиксированными пределами идентификации дает

возможность проявлять субъективную активность, формировать новую культурную идентичность [8].

Исторический анализ развития процессов идентификации раскрывает глубинную природу этого механизма, скрывающуюся в основаниях филогенеза. В культурогенезе этот процесс корнями уходит в древнейший комплекс инициации. Стремление к отождествлению опирается на достаточно древние, архаические механизмы психики человека. Такие антропологи и этнологи, как Ф. Боас, К. Леви-Стросс, М. Мосс, М. Мид, показывают, что формирование личности как субъекта данной культуры развивается в ходе обнаружения культурных границ и испытания их на прочность. Четкое отождествления своего образа и своего тела на бинарных основаниях (свое – чужое, мужское – женское, правое – левое) завершает идентификацию. Диахронический анализ культур показывает, что идентификация невозможна без судьбоносного преодоления непреодолимых пределов сакрального пространства в обряде инициации, посвящения. Инициация – это самый главный барьер на пути становления личности, обретения социокультурного статуса. Преодолев границу инициации, личность в примитивных культурах обретает свое истинное «Я». В современных культурах нет этой обрядовой, магической формы. Но в течение жизни человек множество раз преодолевает границы, проходя инициации, с тем, чтобы увидеть свое «Я» целостным, единым.

Как показывают работы этнологов, в архаических культурах обряд связан с нарушением границ «своего» мира и путешествием в страну мертвых предков. Индивид как бы проживает временную смерть и чудесное воскресение. И в этом его сопровождает обрядовый костюм, маска. «Маска», «лик», «персона» – эти категории связаны с процессом становления личности, идентификации. В работах К.Г. Юнга

анализируется древнейший архетип «персоны», устанавливается связь с духовными основами личности [12]. Этимологический аспект и психологическую связь личности с личиной, маской актера или участника карнавала исследовал М.М. Бахтин, П.А. Флоренским, Ю.М. Лотманом. Так Е.А. Родионова указывает на общую функцию маски, которая состоит в изоляции и самоизоляции носителя маски от внешней социальной и культурной среды [9, с. 305].

К. Леви-Строс в своих исследованиях показал, что в архаических культурах ношение маски осуществляется в рамках ритуального поведения и позволяет резко изменить реальный облик человека, сделать его странным и неестественным. Изготовленная самым причудливым способом маска, необычная ее форма определяла и необычное, неестественное поведение ее носителя, который мог делать то, что обычно делать нельзя, нарушать табу. Е.А. Родионова пишет: «Следует обратить внимание на активность “маски” по отношению к правилам и нормам: именно нарушение табу, как и нарушение морфологических норм человеческого лица, сообщает ритуальному клоуну и маске магическую силу, обеспечивающую их влияние на окружающих. ... Переход социокультурной границы, выход за пределы человеческой общности способствует осознанию этой границы другими членами коллектива, и в силу этого необходимость соблюдения той или иной общественной нормы приобретает как бы двойную силу: осознанной становится не только сама норма, но и степень возможного отклонения от нее» [9, с. 307].

Этнологи и антропологи подчеркивают, что маска отражает не случайное или индивидуально инициированное отклонение. В маске запечатлен общий предок, существо, которого нет и которое всегда присутствует, являясь условием существования родовой общины, воплощая в себе предписания и безусловные требования закона. Отклонение в ритуальном поведении направляется отнюдь не в сторону усиления единичных, индивидуальных вариантов поведения, а в сторону приобщения к максимально общему, стоящему выше индивида. Ценности коллектива, племени, группы утверждаются через ритуальные формы маски. Ношение маски в процессе обрядового действия позволяет индивиду не только выйти за пределы существующих в социуме норм, табу, но прежде всего приобщиться к «вечной жизни» предка, того, кто задает нормы: «... “Персональная” позиция предполагает выход за пределы “обжитого пространства” и фиксирует отношение к нему» [9, с. 311].

Ритуальная маска-личина позволяет тому, кто ее надевает, примерять к лицу, совершать временной переход за пределы реального в пространство сверхреального. Такой человек осуществляет временный переход в иной мир, в котором нормы и правила, обязательные для всех, устанавливаются, т.е. получает возможность стать в позицию автора и создателя этих правил.

Рассматриваемые Е.А. Родионовой процессы раскрывают связь ритуального надевания маски с описанным З. Фрейдом механизмом формирования индивидуального «Сверх - Я» за счет идентификации с образом вождя первобытной орды. Отмеченные аспекты ритуального маскарада сопоставимы так же с описанными М.М. Бахтиным механизмами карнавализации. Но если Бахтин делает акцент на присвоение и последующее развитие норм через их отрицание, то Е.А. Родионова обращает внимание на процесс идентификации с “высшим существом”, автором норм, что дает ощущение свободы от их выполнения и позволяет более терпимо относиться к ним в обычной жизни.

Таким образом, можно считать, что маска (личина, личность) открывает возможность индивиду выходить за пределы себя естественного, чтобы обрести себя вначале как производителя культуры, а затем как ее члена. «В маске ... в полном смысле слова сосредоточены функции социальной регуляции, общественной “гармонизации” индивидуального героического “характера”» [10, с. 150]. Исследователь отмечает важную роль момента выхода за пределы в структурировании, формировании субъекта как социального существа. Е.А. Родионова анализирует феномен маски с позиций сценической модели личности. Однако в данном феномене видна и модель интериоризации, формирования высших психических функций, описанных Л.С. Выготским [3]. При формировании личности в онтогенезе отмечается тот же процесс – ребенок идентифицирует себя с позицией взрослого, которая затем становится его собственной внутренней позицией. Такова, по сути, диалектика внутренней и внешней речи, по Л.С. Выготскому.

Исследователи примитивных культур показывают факты несовпадения лица и маски, исполнителя и социальной роли, индивида и его социальной сущности, играют созидательную, структурообразующую роль в процессе идентификации. Субъект, собственное активное «Я» формируется в месте несовпадения лица и личины, физического индивида и члена социальной группы.

Отмеченный принцип формирования авторства через «отстранения» имеет аналоги и в более глубоких механизмах формирования репрезентации физического тела и его социальной значимости. Человек обретает свои атрибуты, начиная от образа тела и кончая собственным социальным и психическим «Я» через столкновение с границей, через сопротивление. На основе этого опыта и формируется знание о «своем» и «чужом», о субъекте и объекте, «Я» и «не – Я». Если граница абсолютна и не поддается воздействию, то это значит, что здесь заканчивается «Я» и начинается объект. Представление о «Я» складывается из опыта преодоленных границ различной модальности.

Психологические механизмы формирования представления об объекте в раннем возрасте

рассматривались подробно Ж. Пиаже (1994). Как отмечает А.Ш. Тхостов, понятие и осознание собственного физического тела происходит через столкновение с жестким миром, к которому нужно приспособливаться. Более того, идентификация своего тела начинает существовать как факт сознания только при обнаружении его собственного сопротивления. «Свое существование (как объект сознания) тело получает, лишь демонстрируя упругость и непрозрачность, неадекватность прогнозирования и управления» [11, с.6]. Тело становится фактом сознания человека, когда приходится прилагать усилия для управления им. Мы не ощущаем те элементы собственного организма, которые действуют исправно без нашего вмешательства. Именно через сопротивление как среды, так и самого организма для человека оформляется представление о своем физическом теле. По той же модели строятся и идентификации культурного тела, которое определяется принадлежностью к конкретной социально-исторической среде. Тело в целом, его отдельные части, функции, проявления наделяются значениями, определяются как правильные и неправильные, приличные и неприличные. По отношению к телу действуют нормативы, задающие пределы его возможностей. Представление о «культурном» теле обязано своим происхождением давлению культурной среды.

М. Мид [7] показала в своих исследованиях, что в разных культурах ребенка с раннего детства приучают к «правильному» осуществлению ряда естественных функций, связанных с питанием, отправлениями, овладением инструментами – в результате чего некоторые элементы тела попадают в фокус внимания, становятся предметом управления и наделяются социальным значением. Ограничения, налагаемые на тело, формируют его новый «ландшафт», определяемый тем, что общество в теле видит, а что игнорирует. К. Леви-Строс [5] показал, что важнейшим противопоставлением является противопоставление «природы» и «культуры», «натурального» и «культурного» тел, которые не совпадают по своей фактуре, образуя в месте соединения «зону неопределенности». Это пространство оставляет возможность как для свободного развития, так и для болезни, патологии, когда между натуральным и культурным телом возникают конфликты. Однако, именно это пространство стыка является местом идентификации, самоопределения субъекта культуры. Личность человека не совпадает с маской, социальной ролью, но определяется возможностью выбрать и исполнять эту роль. Если маска сливается с носителем, то можно говорить о потери личности. Чтобы «Я» сформировалось и завершило идентификацию, необходима проницаемая граница. Реальность социального «Я», как и «Я» телесного, производно

от сопротивления социальной и языковой среды. Оно существует в силу осязаемости давления социальных норм и, в то же время, в силу их подверженности произвольным изменениям. Граница, на которой формируется «Я», должна быть четкой, но проницаемой.

Список литературы:

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с.
2. Бороденко, М. В. Два лица Януса-смеха / М. В. Бороденко. - Ростов-на-Дону: Цветная печать, 1995. - 86 с.
3. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 томах. Том 1-6 / Л. С. Выготский; составитель М. Г. Ярошевский. – Москва: Педагогика, 1982-1984.
4. Ишкова, М. А. Феномен границы в детерминации активности ребенка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / М. А. Ишкова. – Москва, 1998. – 22 с.
5. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с.
6. Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2002. - 768 с.
7. Мид, М. Культура и мир детства : избранные произведения / М. Мид. - Москва: Наука, 1988. - 429 с.
8. Петровский, В. А. Феномены субъектности в развитии личности / В. А. Петровский. - Самара: Институт «Открытое о-во», 1997. - 102 с.
9. Родионова, Е. А. Способы описания личности и «сценическая модель» / Е. А. Родионова // Социальная психология личности: монография / ответственный редактор М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. – Москва: Наука, 1979. - С. 300-324.
10. Родионова, Е. А. Формирование представлений о личности и социальных механизмах регуляции поведения: культурно-исторический аспект / Е. А. Родионова // Психологические механизмы социального поведения: сборник статей / ответственный редактор М. И. Бобнева, В. В. Шорохова. - Москва, 1979. - С. 128-151.
11. Тхостов, А. Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) / А. Ш. Тхостов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 1994. - №2. - С. 3-12.
12. Эльконинова, Л. Знаковое опосредование, волшебная сказка и субъективность действия / Л. Эльконинова, Б. Д. Эльконин // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 1993. - № 2. - С. 62-70.
13. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. - Москва : Канон, 1994. - 319 с.